

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЕ

(К 30-летию со дня смерти)

Круг научных интересов И. А. Бодуэна де Куртене столь широк, что охватить все языковедческие вопросы, поставленные в его работах, не представляется возможным. Как говорил Л. В. Щерба «общие вопросы языкознания были главным его интересом и составляли если не всегда непосредственный предмет, то всегда внутреннюю подкладку и смысл всех его научных выступлений и всей его преподавательской деятельности»¹. Это вынуждает нас ограничиться в настоящей статье более или менее подробным изложением и оценкой лишь некоторых сторон общеязыковедческой концепции Бодуэна, а именно того, что приобретает особый интерес в свете тенденций современного языковедения.

Кроме того, неполнота и некоторая односторонность статьи в значительной мере объясняются ограниченностью доступных нам источников. Как известно, богатейший архив Бодуэна, где, в частности, находились его материалы по общему языкознанию, сохранился очень плохо. Погибла значительная часть петроградского архива, а его остатки и часть варшавского архива, перешедшие к М. Фасмеру, сгорели во время войны вместе с личным архивом последнего. Таким образом, мы располагаем лишь очень немногочисленными рукописями, сосредоточенными в основном в «бодуэновском» фонде Архива АН СССР². Что касается печатных работ, они разбросаны по разнообразным, зачастую редчайшим изданиям и с трудом поддаются учету³; единственной более или менее полной коллекцией их является «Бодуэниана» Л. В. Щербы, ныне принад-

лежавшая Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ⁴.

Трудно передать более сжато и в то же время более верно сущность воззрений Бодуэна на язык, чем это сделал он сам, сказав, что «язык — не замкнутый в себе организм, не неприкосновенный идол, но орудие и деятельность» (Zur Kritik, 394⁵).

⁴ Пользуемся случаем, чтобы выразить глубокую благодарность проф. М. И. Матусевич, предоставившей в наше распоряжение это уникальное собрание, а также Л. Е. Бокаревой за помощь, оказавшую при подготовке материалов для настоящей статьи.

⁵ В тексте статьи нами приняты следующие сокращения названий отдельных работ Бодуэна: Вв. в яз.— «Введение в языковедение» (литографир. курс), 4-е изд., СПб., 1914; Венг.— «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых», под ред. С. А. Венгера, т. V, СПб., 1897 (см. автобиографическую замечку: «Бодуэн де Куртене»); Лингв. зам.— «Лингвистические заметки и афоризмы. По поводу новейших лингвистич. трудов В. А. Богородицкого», ЖМНП, 1903, май; Нек. общ. зам.— «Некоторые общие замечания о языковедении и языке», ЖМНП, 1871, февраль; Нек. отд.— «Некоторые отделы сравнительной грамматики славянских языков», РФВ, т. V, № 2, 1881; Прогр.— «Подробная программа лекций... в 1877—1878 уч. г.», Казань — Варшава, 1881; Челов.— «Об одной из сторон постепенного человеческого языка в области произношения в связи с антропологией», «Ежегодник Русск. антропологич. общества при СПб. ун-те», вып. 1, 1905; Язык — Словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81 (см. ст. «Язык и языки»); Klass.— «Die Klassifikation der Sprachen», IF, Bd. XXVI, Anzeiger, 1910, Les lois — «Les lois phonétiques», «Rocznik slawistyczny», t. III, 1910; O psych. podst.— «O psychicznym podstawach zjawisk jezykowych», «Przegląd filozoficzny», t. VI, 1903; O związku — «O związku wyobrażeń fonetycznych z wyobrażeniami morfologicznymi i semazyologicznymi», «Sprawozdania z posiedzeń Tow-wa nauk Warsz.», t. I, 1908; Próba — «Próba samoistności zjawisk psychicznych na podstawie faktów języko-

¹ Архив АН СССР, фонд 770, опись 1, № 14, стр. 8.

² Сюда входят материалы, сданные на хранение самим Бодуэном в начале XX в.

³ См. St. Szoher, Bibliografia prac naukowych prof. J. Baudouina de Courtenay, «Rasse filologiczne», t. XV, zes. I, 1930. Нами совместно с Л. Е. Бокаревой подготовлен более полный библиографический список печатных работ Бодуэна, который намечен к опубликованию в сб. «Вопросы славянского языкознания» (вып. 5).

Мы, однако, обратим внимание лишь на то, что в этом определении отразилось противопоставление двух аспектов речевой деятельности, которое позже появилось снова в работах нашего времени — сначала в сосюрровской антиномии язык — речь, а потом — в математической теории коммуникации в форме коррелятивных понятий код — сообщение. Еще в 1871 г. Бодуэн обращал внимание на «различие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий... от языка как беспрерывно повторяющегося процесса» (Пек. общ. зам., 315).

По Бодуэну, «следует рассматривать как реальную величину не „язык“, абстрагированный от людей, но человека как носителя языкового мышления» (Klass., 55). «Реально существует только индивидуальный язык как совокупность произносительных и слуховых представлений, соединенных с другими лингвистическими и психическими представлениями» (Les lois, 62). Что же касается языка племенного или национального, то для Бодуэна он «как целое... существует только в идеале» (S. J., 36), представляя собою фикцию.

Приведенные положения неоднократно являлись поводом для обвинения Бодуэна во всех философских «грехах» вплоть до субъективного идеализма¹. Между тем думается, что Л. В. Щерба был прав, когда говорил, что «психологизм Бодуэна вовсе не является философской основой его лингвистического мировоззрения»²; позиция ученого, для которого «органический мир есть *conditio sine qua non* для существования психического и социального мира, или, скорее, единого психо-социального мира», а «психический мир не может развиваться без мира соци-

ального» (Les lois, 60), лишь с большой натяжкой может быть охарактеризована как идеалистическая. Более того, можно согласиться с Бодуэном, что индивидуально-психическое существование языка реально; именно такую точку зрения отстаивают, например, представители пражской лингвистической школы³. По признанию реальности индивидуальной языковой системы, отсутствия в языке «непосредственной протяженности во времени и пространстве» (*O psych. podst.*, 157) и непосредственной причинной связи не мешает тому, что «в понятии... в абстракции можно приписать языку длительность» (S. J., 152; разрядка наша — А. Л.). Недостатком общезыковедческой концепции Бодуэна было то, что он не сделал сознательно этого второго шага, не поднялся на более высокий уровень абстракции, что объясняется не идеалистичностью, а наивной материалистичностью его философских взглядов. Впрочем, если он и призывал искать причинную связь языковых явлений в «индивидуально-психических центрах отдельных людей», то самих этих людей рассматривал «как членов известным образом оязыковленного общества» (Челов., 275); поэтому Бодуэн вынужден был обращаться к объективно-языковым явлениям и в практике лингвистического исследования постоянно оперировал категориями, правомерность которых в исходных теоретических определениях отрицал.

Поясним нашу мысль. Как и большинство других ученых, стоявших на позиции стихийного материализма, Бодуэн имел перед собой альтернативу: или признать реальность языка лишь в его индивидуальных проявлениях, в его материальном психо-физиологическом субстрате, ставшись тем самым на безусловно материалистическую, хотя и ограниченную точку зрения; или, наоборот, взять за основу абстрактно-социальный аспект языка, что означало для него отказ от признания реальности индивидуальных проявлений языковой деятельности и тем самым переход на позиции объективного идеализма. Естественно, что, не владея диалектическим методом марксистского философского материализма, для которого такой альтернативы, как известно, не существует, Бодуэн предпочел первый путь.

Помимо индивидуально-психического, язык имеет и «коллективно-индивидуальное», или «собирательно-психическое», существование. Употребляя эти выражения, Бодуэн имеет в виду общность, одинаковость психических особенностей у различных индивидов. Эта одинаковость, по его мнению, не случайна. Наоборот, Бодуэн специально подчеркивает нераздельность в языке индивидуального и общего: «то, что является индивидуальным, является

wych», «Rozprawy Wydz. filolog. Ak. Um. w Krakowie», t. XL, 1904; S. J. — «Szkice językoznawcze», t. I, Warszawa, 1904; Übersicht — «Übersicht der slawischen Sprachenwelt», Leipzig, 1884; Verm — «Vermenschlichung der Sprache», Hamburg, 1893; WE — «Wielka encyklopedia polska», t. 22, Warszawa, 1899 (см. ст. «Fonologia»); Zagadnienia — «Zagadnienia pokrewieństwa językowego», BPTJ, zesz. II, 1930; Zar. hist. jęz. — «Zarys historii językoznawstwa czyli lingwistyki», «Poradnik dla samouków», Ser. III, t. II, zesz. II, Warszawa, 1909; Zar. hist. jęz. pol. — «Zarys historii języka polskiego», Warszawa, 1922; Zur Kritik — «Zur Kritik der künstlichen Weltsprachen», «Annalen der Naturphilosophie», Bd. VI, Leipzig, 1907. Арабские цифры в скобках указывают на страницы.

¹ Здесь многие лингвисты выступают «единым фронтом». См., например: Я. В. Лоя, Против субъективного идеализма в языковедении, сб. «Языковедение и материализм», I, Л., 1929.

² Л. В. Щерба, Бодуэн де Куртене (некролог), ИОРЯС, т. III, кн. 1, 1930, стр. 315.

³ См. «Материалы к IV Международному съезду славистов», ВЯ, 1958, № 2, стр. 42.

одновременно и общим, общечеловеческим. Простейшие элементы индивидуального развития повторяются у всех людей» (S. J., 29). Интересно, что ту же мысль он повторил в одной из последних работ, рассматривая «элемент общечеловеческий и одновременно индивидуальный» (Zar. hist. jez. pol., 152). Указанное единство общего и индивидуального не исчерпывается единством физиологического, или, как говорил Бодуэн, «антропологического», субстрата языковых явлений¹: наряду с антропологическим аспектом мы, по Бодуэну, должны различать «социальный аспект человеческих индивидов..., обладающих речевой способностью вообще и входящих в определенную лингвистическую общность в частности» (Les lois, 64).

В отличие от антропологических свойств, передающихся по наследству, язык усваивается индивидом как компонент и как форма социального-исторического опыта человечества². «Все множество представлений вообще и произносительных и слуховых в частности, связанных и ассоциированных между собой, все множество рецептивных и исполнительных навыков передается путем языкового общения от одного индивида к другому, от одного поколения к другому, от одной этнической группы к другой, от одной нации к другой» (Les lois, 73); таким образом, «индивид может языком и вообще духовно развиваться только в обществе» (S. J., 51), а путем наследования он «получает только потенциальную возможность или способность овладения языком» (Zar. hist. jez., 89). Поражает, что Бодуэн рассматривает усвоение языка как процесс активный, а сам язык — как «одну из функций человеческого организма в самом обширном смысле этого слова» (Нек. общ. зам., 315), в то время как даже Ф. де Соссюр не смог поднестись выше младограмматического представления об индивидуальном «языке» как «экземпляре словаря» и, напротив, утверждал, что «язык не есть функция говорящего субъекта, он — продукт, пассивно регистрируемый индивидом»³.

Отношение между индивидуальным языком и языком племенным (национальным) Бодуэн, по-видимому, представлял себе по-разному в разные периоды своей деятельности. У него встречаются утверждения, под которыми подразумевался любой младограмматик: «Основной частью пле-

менного образа племенного языка могут быть только средние случайные соединения индивидуальных языков людей, принадлежащих к данному племени» (S. J., 36). Однако уже в 1901 г. Бодуэн как будто отказывается от понимания племенного языка как случайного соединения индивидуальных языков, указывая, что «обобщение отдельных изменений (в индивидуальных языках. — А. Л.) открывает определенные постоянные направления изменений и определенную взаимозависимость, напоминающую отчасти функциональную зависимость высшей математики» (S. J., 9). А в работе 1910 г. он резко критикует младограмматиков за смешение идеи индивидуального языка и идеи «среднего языка» (langue moyenne).

Что в данном случае имеет в виду Бодуэн под «средним языком» и почему он придает такое значение различию «среднего языка» и языка индивидуального? Чтобы ответить на эти вопросы, сделаем экскурс в проблему детской речи, занимающую в работах Бодуэна далеко не последнее место. «Ребенок не повторяет вовсе в сокращении языкового развития целого племени» (Венг., 34). Напротив, для ребенка характерна, так сказать, гиперсистематизация языковых явлений⁴, подведение под усвоенные им системные закономерности таких явлений, которые на самом деле этим закономерностям не подчиняются. По несколько парадоксальному утверждению Бодуэна, «ребенок захватывает в будущее, предсказывая особенностями своей речи будущее состояние племенного языка, и только впоследствии пятится, так сказать, назад, все более припоровываясь к нормальному языку окружающих» (Венг., 34). «Повоображения», вносимые ребенком в язык при усвоении, касаются произносительной стороны и морфологического строя. Правда, впоследствии дети «выучиваются говорить „правильно“, наподобие окружающих, но раз данный толчок не остается без следа. Дети этих детей наследуют предрасположение к подобным же изменениям по направлению к будущему состоянию языка и со своей стороны повторяют эти изменения... Наконец, накопление (кумуляция) следов от подобного рода толчков в целом ряде поколений ведет к действительным, окончательным изменениям во всем исторически сложившемся языке» (Венг., 34—35).

Не вдаваясь в оценку правильности этих соображений, обратим внимание, что изменения в племенном языке происходят, по Бодуэну, не в случайных местах: они, очевидно, предопределены особенностями системы данного языка, ибо осуществляются в тех ее точках, где она менее всего последовательна, и имеют своим следствием более строгое проведение известных системных за-

¹ Именно такую концепцию находим у младограмматиков (см. хотя бы: Н. Р а u l, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5-e Aufl., Halle, 1937).

² Бодуэн интуитивно подошел к такому пониманию языка, выдвинув гипотезу о «языковом знании» и противопоставив его (вместе с «теоретическим знанием», выраженным с п о м о щ ь ю я з ы к а) знанию «созерцательному», «непосредственному» (Язык, 535). Такое понимание языка является огромным шагом вперед по сравнению с младограмматическим.

³ Ф. де С о с с ю р, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 38.

⁴ «Здесь далее всего заходит выравнивание форм» (J. B a u d o u i n de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Straßburg, 1895, стр. 106).

кономерностей. Таким образом, если в индивидуальных языках и есть какие-то особенности, не характерные для племенного языка, то эти особенности не играют сколько-нибудь важной роли в процессе коммуникации и не имеют значения для языковой системы. Племенной язык есть абстракция типичных, общезаконмерных, существенных черт индивидуальных языков; в этом смысле он и «является чистою отвлеченностью, обобщающей конструкцией» (Язык, 531). «Средний язык» представляет собой проекцию «племенного языка» в индивидуальное языковое сознание, «племенной язык», рассматриваемый как функция некоего образцового индивида, «племенной язык», взятый на уровне индивидуального языка. Индивидуальный же язык — это язык в его реальном бытии, в его конкретном своеобразии, и «на индивидах мы можем исследовать некоторые явления в увеличенном виде или гораздо более непосредственно, чем это имеет место при исследовании такой абстракции, как язык племенной или народный» (S. J., 60).

Заметим, что Бодуэн был первым языковедом, профессионально занимавшимся патологией речи. Ему принадлежит, в частности, монография, содержащая, кроме теоретической части, историю болезни, описание языковой системы и словарь афатика¹. Изучение патологии речи Бодуэн считал одним из важнейших источников наших сведений о физиологическом и психологическом механизме языка.

Мы уже несколько раз, говоря о взглядах Бодуэна, употребляли выражение «система языка», и не случайно: именно Бодуэну де Куртене мы обязаны нашим современным пониманием языковой системы. «Немецкое *s* потому могло развиться в *r*, что вся звуковая система немецкого языка была в то время совершенно отлична от славянской системы, в которой *s* не подверглась такому изменению», — писал он в работе 1888 г. (S. J., 165). В статье «Die Klassifikation der Sprachen» (1910) Бодуэн свободно оперирует понятием системы, или структуры языка, уже не ограничивая ее системой звуков: «Все сторонняя морфологическая характеристика языкового мышления должна учитывать тот факт, что, с одной стороны, валидо пережитые формы, унаследованные от прошлого и более не соответствующие данной структуре языка в целом (dem gegebenen allgemeinen Bau der Sprache), и что, с другой стороны, известные явления, так сказать, предсказывают будущее состояние данного племенного и национального языка, ... вследствие чего они еще не соответствуют современному синхронному состоянию (dem gegenwärtigen Durchschnittszustande) соответствующего языка» (58).

Еще в 1878 г. Бодуэн предлагал разде-

лять «законы равновесия языка» и «законы исторического движения языка» (Прогр., 85), относя изучение первых к задачам статике, изучение вторых — к задачам динамики.

Не останавливаясь на этом общезвестном положении, отметим некоторые особенности в понимании Бодуэном статике и динамики, не получившие достаточного отражения в литературе.

Прежде всего, не следует забывать, что в представлении Бодуэна статическое и динамическое исследование звуков отнюдь не равнозначны описательной и исторической фонетике, а тем более — синхронии и диахронии. В лекциях 1888 г. он указывает, что «фонетика (т. е. фонология.— А. Л.) распадается на следующие 3 части: 1) дескриптивная часть — констатирует этимологическое родство; 2) историческая часть — «раньше было так — теперь стало так»; 3) каузальная часть — учение о причинах (сюда относятся звуковые законы)»; с другой стороны, в записях Л. В. Щербы² мы находим следующую таблицу:

Общая фонетика

а) статика	{ 1) антропофоника
б) динамика	{ 2) психофонетика
	3) историческая фонетика

Статика в этой таблице — «описание и исследование того, что существует, без учета понятия изменчивости», т. е. «дескриптивная часть» фонетики, динамика — «исследование и определение условий изменчивости», т. е. ее каузальная часть. Наконец, «историческая фонетика», столь решительно противопоставленная Бодуэном другим отраслям общей фонетики, имеет своим предметом констатацию изменений в языке или «рассмотрение... фонетической стороны языка во временной последовательности, т. е. преходящих антропофонических явлений и устойчивых и непрерывных психо-фонетических представлений» (WE, 792), и соответствует «исторической части». Таким образом, динамическая фонетика принципиально отлична от исторической: первая исследует причины и условия языковых изменений и опирается «на извлечения из наблюдений над индивидуальным языком, а скорее — над целой массой индивидуальных языков», вторая, «целиком относящаяся к племенным языкам, рассматривающая язык во взаимном общении и в условиях общественной традиции, является общественной социологической наукой» (WE, 792). Историческая фонетика, констатируя изменения в системе языка, не затрагивает, однако, причинной стороны этих изменений. Такое понимание задач исторической фонетики

¹ См. J. Baudouin de Courtenay, Z patologii i embryologii języka, «Prace filologiczne», t. I, cz. 2, 3—4, 1885—1886, стр. 14—158, 318—344.

² Тетрадь с конспектами лекций И. А. Бодуэна де Куртене по введению в языкознание и общей фонетике (Архив АН СССР, фонд 770, опись 3, № 7, стр. 12).

тесно связано с общеполитической концепцией Бодуэна, считавшего неправомерным говорить о непосредственной причинности в применении к племенному или национальному языку.

Следует отметить также, что для Бодуэна не существовало сословного взаимного исключения синхронии и диахронии; напротив, синхронический и диахронический подходы к языку для него взаимно обусловлены: «статика языка есть только частный случай его динамики, или, скорее, кинематики» (Венг, 34). Он писал о методе диахронического исследования: «Фиксируют два реально данных периода в языковом развитии и далее стараются определить, в каком направлении развилась отдельная категория звуков и вся звуковая система в целом» (Übersicht, 13). Как мы видим, Бодуэн подчеркивал, что диахронии в той же мере присуща системность, как и синхронии.

Человеческий язык представляет собой знаковую систему; другими словами, это «язык, состоящий из множества случайных символов, связанных самым различным образом» (S. J., 32). Он коренным образом отличается от «языка» животных: «...звуки, издаваемые животными, самой природой соответствующих животных организмов предназначены для того, чтобы выразить именно то, что они в действительности выражают. Они должны вызывать как раз то чувство, как раз то представление, какие они выражают в действительности — именно путем непосредственного чувственного впечатления. И этим их задача исчерпывается».

Между тем все слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения, причем их генезис, источник их значения обычно совершенно забывается. Сами по себе они не говорят ни о чувстве, ни о способности воображения; они что-то означают лишь потому, что они ассоциированы с известным рядом значений. Характер необходимости им совершенно чужд... Итак, подавляющая часть слов человеческого языка — лишь случайно возникшие символы... И как раз эта случайность есть характерная черта языка» (Vergl., 21; разрядка наша. — А. Л.).

По Бодуэну, следует различать «внешнюю» чисто фонетическую сторону языка, далее, его «внеязыковую» сторону, или сторону семантических представлений, и морфологическую (в широком смысле) сторону, образующую «основную характеризующую черту человеческого языка» (O związku, 10), т. е. языковую форму, «структуру» в реляционном смысле, связывающую «план выражения» и «план содержания»¹: «собственно языковое — это способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием» (Übersicht, 12). Эта языковая форма выступает в «плане

выражения»² как структурирующее начало: «единообразие так называемого звука обусловлено единообразием соответствующего ему представления (фонемы)» (Rgba, 3). Но как мельчайшие единицы обоих «планов», так и элементы языковой структуры гетерогенны, и между ними нет и не может быть однозначного соответствия: «переходя от морфем к звукам, мы переходим на другое поле, оставляем центр языка и переходим на его периферию, а непосредственная связь этих двух сторон языка а priori не является необходимой, и действительность этого не подтверждает» (S. J., 146).

Структурность человеческого языка специфична для него: именно структурность имеет в виду Бодуэн, указывая, что «человеческому языку присуща своеобразная, строго языковая морфология, не повторяющаяся в других областях бытия» (Klass, 55). Модификациями этой «морфологии» являются системы конкретных языков. В отличие от явлений, относящихся к «плану содержания» и «плану выражения», т. е. явлений акустико-физиологических или же присущих индивидуальной и одновременно общечеловеческой психике, элементы системы языка — их состав и расположение — обусловлены принадлежностью к той или иной языковой общности (Sprachgemeinschaft). «Филогенетическое (генеалогическое) значение имеет в языке только форма, морфологический элемент, только специальное приложение и комбинирование семасиологического и фонетического элемента» (лекции 1888 г. по общей фонетике; см. ниже)³. В связи с приведенной цитатой еще раз подчеркнем, что «форма» у Бодуэна — понятие чисто реляционное, системная же группировка языковых фактов — это «группировка по противопоставлениям и различиям» (O związku, 27).

Таким образом, систему языка — точнее, его структуру — следует рассматривать как связующее звено между «планом содержания» и «планом выражения». Языковой знак произволен в синхроническом плане, но мотивирован в генетическом: произвольность языкового знака — основная, конституирующая особенность языка человека в отличие от «языка» животных. «Язык животных имеет характер необходимости, непосредственности и неизменности — черты, совершенно противоположные основной сущности человеческого языка» (S. J., 33).

² А также и в «плане содержания»: отсюда «неогумбольдтианство» Бодуэна (см. J. B. S. P. G. 111, The study of language, Cambridge, 1955, стр. 15).

³ Критикуя Н. В. Крушевского, представлявшего себе язык как соединение физическо-акустических и психично-общественных явлений, Бодуэн указывал, что «со временем, разумеется, необходимо будет согласиться с тем, что язык есть явление наскавозь однородно психично-общественное» (S. J., 172).

¹ Конечно, Бодуэн не знал этих терминов.

Противопоставление «плана содержания» и «плана выражения», а в конечном счете сущность языкового знака определяется социальным характером человеческого языка. «Если и можно составлять морфологические единицы (морфемы), слова, предложения и вообще речь из простых, голых звуков, то может быть, только в языке говорящей машины или фонографа, но никогда в живом человеческом языке, в языке живых обществ и живых существ» (S. J., 146; разрядка наша. — А. Л.). Даже в работе «Les lois phonétiques», где социальная сторона языка более всего затронута, а индивидуальная — наиболее ярко раскрыта, мы находим следующее положение: «...фонемы, составные элементы которых более сильно морфологизованы и семасиологизованы, имеют большую общественную ценность (valeur sociale)...» (68).

Рассмотрим в связи с этим вопрос о социальном факторе в языке несколько подробнее. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что «социальные связи» (les *socialités sociales*), по Бодуэну, не только сами по себе влияют на жизнь и эволюцию языка и являются непререкаемым условием его существования («мышление и общественность суть необходимые условия реального языка» (S. J., 36)); они являются условием и средством или способом влияния на язык психического фактора. Уже одного этого достаточно, чтобы противопоставить взгляды Бодуэна субъективно-идеалистическим домыслам типа «эстетической» теории Фоссера. Не индивиду (и его «свободная воля») определяет развитие языка: оно детерминировано социально и антропологически. Если психологизм — это «направление, представители которого усматривали движущие силы развития языка в области индивидуальной психики, автономной по отношению к внешним стимулам»¹, то Бодуэн ни в коем случае не может быть причислен к психологистам.

Что же такое «социальная детерминированность» в понимании Бодуэна? Он признавал, что «основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология», и остро чувствовал, что эта последняя не разработана «до сих пор настолько... чтобы можно было пользоваться ее готовыми выводами» (Встп., 38)². Поэтому, если иногда он и высказывал интереснейшие и в общем правильные принципиальные соображения, отчасти изложенные нами выше, то в этих случаях ему приходилось идти ощупью, опираясь только на свою наблюдательность и на гениальную лингвистическую интуицию. К сожалению, слишком часто Бодуэн не доверял интуиции и пытался возвести несовершенство метода

в ранг методологического принципа, положив тезис об объективности лишь индивидуального сознания, т. е. о примате индивидуального сознания над общественным, в основу своих рассуждений. Если для исторического материалиста общественное сознание отражает общественное бытие, то стихийный материалист Бодуэн не предполагает наличия у общественного сознания специфических закономерностей: у Бодуэна не общественное, а индивидуальное сознание ближайшим образом отражает общественное бытие, причем это отражение происходит в процессе «адаптации к условиям... социального мира» (Les lois, 64).

Именно поэтому Бодуэн сосредоточил внимание на процессах, развертывающихся в плане индивидуальной языковой системы, в ущерб процессам и явлениям объективно-языковым; именно этим объясняется повышенный его интерес к структуре и течению единичного акта коммуникации. Заметим, что целое направление в современном языкознании, а именно так называемая психолингвистика, по существу представляет собой развитие этой стороны взглядов Бодуэна.

В работах, посвященных истории фонологии, как правило, выделяются три резко очерченных этапа в эволюции бодуэновской теории фонем. На первом из них фонема определяется как «сумма обобщенных антропофонических свойств известной фонетической цепи слова, неделимая при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков» (Нек. отд., 333). Отсюда делается вывод, что для Бодуэна в рассматриваемый период его деятельности фонема была по существу не фонетической, а этимолого-морфологической единицей. Начиная с 1888 г., а не с 1894, как обычно полагают, Бодуэн продолжал развивать свои старые идеи, в то же время дает чисто психологическое толкование понятию фонемы. Наконец, в 1900-х гг. Бодуэн окончательно переводит фонему из области этимолого-морфологической в область психофонетическую и приходит к мысли, что фонема не является неделимой дальше единицей.

Хотя изложенная схема формально безупречна, она не дает правильного представления о развитии фонологических взглядов Бодуэна, ибо целый ряд существенных вопросов, связанных с теорией фонем и выдвигавшихся Бодуэном в разные периоды его деятельности, не находит в ней отражения.

Прежде всего, при таком освещении взглядов Бодуэна совершенно упускается из вида тот факт, что уже в работе «Некоторые отделы...» наряду с этимолого-морфологическим пониманием фонемы дается и чисто фонетическое: фонема определяется как «просто обобщение антропофонических свойств», как фонетический тип: «знаки... фонем — это

¹ В. Дорошевский, Диалектология и сравнительно-исторический метод в языкознании, ВЛ, 1956, № 5, стр. 69.

² Как уже указывалось, Бодуэн де Куртене не был знаком с основами марксистской философии.

знаки фонетических типов, знаки отвлеченностей, знаки результатов обобщения, очищенных от положительно данных свойств действительного появления или существования» (335). При этом Бодуэн и не пытается «увязать» это определение с генетическим: он, напротив, считает, что «при дальнейшем развитии этих мыслей необходимо будет строго различать названные две стороны понятия фонемы и вместе с тем установить для них частные термины» (385). Думается, что возникающее позже двойственное толкование фонемы как реляционной и психологической единицы (см. ниже) связано с разделением «генетического» и «фонетического» аспектов.

Остается нерассмотренным обычно и такой существенный момент теории Бодуэна, как его учение о функциональной значимости фонемы. Между тем, как указывает Р. Якобсон, «с самого начала своей лингвистической деятельности Бодуэн де Куртене интересовался проблемой связи между звучанием и значением»¹. Действительно, в работе «Wechsel des *s* (*š*, *ś*) mit *ch* in der polnischen Sprache» об альтернативах *s/ch* говорится как о «чередовании согласных, используемом для дифференциации значений» (разрядка наша. — А. Л.)²; в лекциях 1888 г. фонемы понимаются как «знаки, признаки морфем (осмысленных слов)». Ср. указание на возможность использования фонетическо-акустических представлений (т. е. фонем) как «экспонентов внеязыковых различий» (Klass., 58).

Понятие различительной, т. е. негативной, функции фонемы встречается в работах Бодуэна, однако, лишь *implicit*, в то время как на первый план выступает учение о «морфологизации» и «семасиологизации» фонем, т. е. о позитивной их функции. Бодуэн считает фонему «подвижным компонентом морфемы и признаком известной морфологической категории» (Неч. отд., 334) и определяет фонетику как «историю фонем в отношении к морфологии». Аналогичное определение фонетики находим в работе «Les lois phonétiques: «фонетика ассоциаций с морфологическими и семасиологическими представлениями» (62). Само существование фонемы, по Бодуэну, обусловлено ее функциональной значимостью: «факультативность мобилизации произносительных и слуховых элементов стоит в тесной связи со степенью их морфологизации и семасиологизации» (Les lois, 68). Именно то, что фонема может служить для идентификации морфемы, Бодуэн и считает спецификой фонем как

мельчайших единиц фонологического уровня³.

Учение Бодуэна о морфологизации и семасиологизации не только не противоречит учению Л. В. Щербы о различительной функции фонемы, но, строго говоря, предполагает наличие у фонемы такой функции. Определение Щербой фонемы как «кратчайшего общего фонетического представления данного языка, способного ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова»⁴, явным образом вытекает из всей фонологической концепции Бодуэна⁵. Более того, Бодуэн фактически пришел — независимо от де Соссюра — к идее о релятивном характере «лингвистической ценности» фонемы: «фонемы... становятся языковыми ценностями и могут быть рассматриваемы лингвистически только тогда, когда входят в состав всесторонне живых языковых элементов, каковыми являются морфемы, ассоциируемые как с семасиологическими, так и с морфологическими представлениями...» (Вв. в яз., 160), а эти представления, как известно, «определяются альтернативами или чередованиями» (там же, 161).

Если фонема есть не более, чем сумма артикуляционных и акустических представлений, то непонятно, чем же объясняется тот факт, что одинаковые слогаемые дают в разных языках разные результаты, — пишут Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич⁶. Нам представляется, что авторы слишком прямолинейно понимают здесь некоторые высказывания Бодуэна. Кинемы и акузмы не являются универсальными единицами, но варьируют от языка к языку: «рядом с произносительно-слуховым представлением подлгати средней части языка к небу и так называемой „мягкости“ существует в русском языке и в русском мышлении (разрядка наша. — А. Л.) как особая произносительно-слуховая единица представление неподлгати»

³ Поэтому в полемике Т. Бенин с В. Дорошевичем прав был, надо полагать, последний. Он считал, что данное им определение фонемы как «единицы фонетической системы, могущей выполнять морфологическую или семасиологическую функцию», ближе к пониманию Бодуэна, чем определение Бенин, взявшего у Бодуэна в основном учение о фонеме как «представлении» (см. W. Doroszewski, O definicję fonemu, «Prace filologiczne». t. XV, zes. 1, 1930, стр. 228).

⁴ Сб. «Л. В. Щерба. Избр. работы по языкознанию и фонетике», т. 1 (см. ст. «Русские гласные в качественном и количественном отношении»), Л., 1958, стр. 134.

⁵ Характерно, что Бодуэн сразу воспринял мысль Щербы, указав в очередном (четвертом) издании «Введения в языковедение» на «семасиологическое различие» слов как условие семасиологизации фонетических представлений.

⁶ Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич, К истории учения о фонеме, ИАН ОЛЯ, 1953, вып. 1, стр. 67.

¹ R. Jakobson. Powstanie pojęcia fonemu w lingwistyce polskiej i światowej. «Sprawozdania z prac naukowych Wyd. nauk społecznych PAN», roczn. 1, cz. 6, 1958, стр. 49.

² См. «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung...», Bd. VI, Hf. 2, 1869, стр. 222.

тия средней части языка к нёбу в связи с представлением так называемой «твердости» (Вв. в яз., 80). Кроме того, фонема, по Бодуэну, есть более чем сумма артикуляционных и акустических представлений. Ср., во-первых, сказанное выше о ее функциональной значимости в механизме языка как орудия идентификации морфем, во-вторых, тот факт, что ни фонемы, ни кинемы или акузмы не сводимы полностью к физиологическому или психологическому субстрату и рассматриваются Бодуэном также как р е л я ц и о н н ы е п о н я т и я, как мельчайшие кирпичики языковой структуры; это видно уже из приведенной выше цитаты. Еще более убедительным доказательством может служить примененная Бодуэном в «Сравнительной грамматике славянских языков» (1901), а позже в «Zagry history języka polskiego» методика историко-фонетического исследования: за мельчайшую единицу фонетического изменения здесь принимается акузма (кинема), которая, таким образом, выступает как заведомо абстрактный, чисто системный элемент¹. Ср. также характеристику кинем и акузм как «общественных или социальных элементов межличностного общения с помощью человеческого языка» (Zag hist. jez. pol., 156).

Даже если рассматривать фонему только как «сумму представлений», нельзя делать из такого определения слишком поспешные выводы. Ведь термин «представление» имеет в устах Бодуэна очень своеобразный смысл: для него это психический коррелят объективно-языкового явления, результат его усвоения индивидом, не связанный, однако, с необходимостью осознания этого явления²: «психичным является не то, что осознано, а то, что может быть осознано как представление и понятий» (O psych. podst., 155). Поэтому, когда, например, Р. Якобсон, придерживаясь традиционной точки зрения, утверждает, что Бодуэн представлял себе фонему как коррелят звука в «речевом намерении», и далее приравнивает это «намерение» к «внутренней речи»³, он тем самым сильно отклоняется от действительных воззрений Бодуэна. Для последнего, судя по всему, фонема едва ли была большей психической реальностью, чем для Р. Якобсона. Однако Бодуэн, как нам уже приходилось подчеркивать, всегда стремился максимально конкретизировать категории языкового мышления, об-

лечь абстрактные явления и процессы в материальную психо-физиологическую оболочку, так что из его теорий приходится, как говорил Л. В. Щерба, «вынуть психологизм». К сожалению, одни исследователи не смогли, а другие не захотели проделать эту операцию.

Именно воззрения Бодуэна последнего периода нашли особенно широкий отклик в мировом языкознании, что лишний раз свидетельствует об их плодотворности. Нельзя, например, переоценить их влияние на пражскую школу в лице прежде всего В. Матезнуса, П. С. Трубецкого и Р. Якобсона⁴. Из польских учеников Бодуэна следует назвать Г. Улашина, Ст. Шобера, Т. Бопли, В. Дорощевского.

Кроме «фонетической структуры слов и предложений», Бодуэн выделяет в языке «морфологическую структуру слов», т. е. морфологический уровень языковой структуры, и «морфологическую структуру предложений», т. е. синтаксический уровень (Klass., 58). Уже морфема является двусторонней единицей, поскольку она не только мельчайший носитель языкового значения, но и продукт формально-морфологического деления слова. В слове тоже можно выделить два аспекта; хотя в лекциях 1888 г. слово как «единица предложения» (сигатма) еще приравнено к слову как «приблизительному субстрату целой группы идей» в смысле польского *wyraz*, но эти аспекты уже ясно осознаются. Позже их противопоставление выражается в противопоставлении «словообразующих» и «синтагмообразующих» морфем (Zagadnienia, 115). Таким образом, если фонема служит как бы «мостиком» от «фонетической структуры слов и предложений» к «морфологической структуре слов», то слово выполняет аналогичную роль на более высоком уровне, связывая эту последнюю с «морфологической структурой предложения».

По Бодуэну, слова «имеют реальное, объективное существование, как и морфемы»⁵. В «обычном различении частей речи» Бодуэн усматривает «смещение разных принципов»⁶: «основанием для разделения частей речи» он считает «отношение к связной речи или предложениям» (Нек. общ. зам., 302), т. е. синтаксический критерий.

*

Предпосылкой существования и функционирования языка в индивидуальной психической системе, его психо-физиологическим субстратом служат процессы, относящиеся к трем областям языковой деятельности: во-первых, процессы фо-

¹ Положение о дифференциальном признаке как единице фонетического изменения было, следовательно, известно Бодуэну и широко применялось им в научной практике.

² А. И. Смирницкий говорил в таком случае о «скрытом знании языка» (см. его работу «Объективность существования языка», М., 1954, стр. 27—28).

³ R. Jakobson, M. Halle, *Fundamentals of language*, 's-Gravenhage, 1956, стр. 12.

⁴ Вспомним, что в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» фонема определяется как «наиболее простой и значимый акустико-двигательный образ данного языка» (TCLP, 1, 1929, стр. 10—11).

⁵ См. «Протоколы заседаний лингвистической секции Неофилологического общества», засед. XII (Архив АН СССР, фонд Р. II, опись 1, № 303, стр. 61).

⁶ Там же.

нации, т. е. звукопроизводства, или речевая моторика; во-вторых, процессы аудиции, т. е. слухового восприятия; наконец, процессы церебрации, т. е. собственно языкового мышления. Различные комбинации этих процессов приводят к множественности причин, управляющих звуковыми измещениями; Бодуэнская концепция множественности, как справедливо указывает Я. Б. Крупаткин¹, остается прогрессивной и в современной лингвистике.

Следует остановиться прежде всего на спонтанных изменениях, т. е. на «изменениях и перерождениях звуков в течение известного времени просто вследствие свойственной им природы, помимо влияния соседних звуков и вообще помимо частных условий сочетания звуков» (Нек. отд., 320). Они связаны с процессами, происходящими в сферах фоциации и аудиции. В этой связи нельзя не упомянуть о теории «человеческого языка», согласно которой в ходе исторического развития языка происходит передвижение артикуляции «сзади и снизу, вперед и вверх», т. е. активизация органов ротовой полости за счет ослабления деятельности гортани². Причиной такого передвижения Бодуэн считает «стремление к удобству, стремление к облегчению в трех областях языковой деятельности» (Венг., 33). Это стремление, будучи обусловлено коммуникативной функцией языка, ведет к максимальной утилизации для целей речевого общения как раз тех органов, которые могут обеспечить взаимопонимание при наименьшей затрате энергии.

К чисто фокационной сфере относятся некоторые комбинаторные изменения. Заслуживает особого внимания указание Бодуэна на то, что «первый толчок к исторически-фонетическому перерождению» может исходить не только «от других, соседних звуков», но и от «общих фонетических условий сочетания нескольких фонетических единиц в более общее фонетическое целое» (Челов., 280); здесь мы находим зачатки представления о фонетической структуре слова как элементе системы языка. Звуковые изменения могут быть вызваны также тем, что «акустическая простота и сложность не совпадает с физиологической» (записи Л. В. Щербы, л. 22).

Более высокое место в «иерархии» языковой структуры занимает изменения, выходящие за рамки фокационно-аудиционной активности и вызванные «несогласованностью психической ценности фонем с их исполнением и их манифестацией» (Les lois, 68). Эти изменения коренятся в борьбе фонетических и психических, т. е.

системных, факторов; они могут быть весьма различными по характеру в зависимости от того, какие именно факторы и в каком направлении действуют³.

Борьба фонетических и психических стремлений рассматривается Бодуэном как в плане синтагматики, так и в плане парадигматики⁴. В парадигматическом плане она сводится к противодействию фонетическим стремлениям «со стороны ассоциации форм» (Лингв. зам., 11), т. е. «морфологической ассимиляции», противостоящей закономерному фонетическому развитию. В синтагматическом плане Бодуэн выдвигает понятие «психического ударения», понимая под ним «относительную важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций» (Лингв. зам., 9) и ставя с ним в связь «различную степень... ассимиляционного влияния» (Préface, 3). «Определенные фонемы определенных словесных типов становятся более сильными и стойкими по отношению ко всяким изменениям, так как с их представлением сочетаются определенные морфологические или смысловые представления» (WE, 793—794). Частным случаем «психического ударения» является устойчивость фонем, обусловленная морфологическими и синтаксическими «узлами»: «пока узлы морфологические сохраняются, фонетический состав не изменяется» (записи Л. В. Щербы, л. 24). Бодуэн обращал внимание на связь того и другого плана: «ясно, что м о н о м о р ф и з м морфологических показателей увеличивает психический акцент и степень интенсивности морфологизации фонетических элементов этой морфемы» (Les lois, 69)⁵.

Из своих наблюдений над зависимостью фокационной «силы» звука от степени морфологизации фонемы Бодуэн сделал принципиально важные выводы типологического характера. Уже в «Программе» он отмечает «гораздо более быстрые изменения и фонетическую „порчу“ в языках аналитических, чем в синтетических», вызванные тем, что «слова языков аналитических не защищены от изменений живым чутьем своего состава и подвержены действию одних только звуковых законов» (146).

Мы не будем останавливаться подробно на роли Бодуэна в создании теории письма, тем более что предполагаем проанализировать эту сторону его взглядов в другом месте. Отметим лишь, что: 1) уже в 1904 г. Бодуэн употреблял тер-

³ См. статью Бодуэна «O ogólnych przyczynach zmian językowych», сб. «Szkice językoznawcze», Warszawa, 1904, стр. 50—95.

⁴ Сами эти понятия Бодуэну были неизвестны.

⁵ Интересной параллелью соображениям Бодуэна может служить статья Б. Поттье (B. Pottier, Plan phonémique et plan morphémique dans la structure du mot, сб. «Omăgiu lui Iorgu Iordan...», București, 1958, стр. 701—704).

¹ Я. Б. Крупаткин, Две проблемы исторической фонологии, ВЯ, 1958, № 6, стр. 39.

² С этими соображениями Бодуэна, впрочем, вступают в противоречие выводы Р. Якобсона (R. Jakobson, Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze, Uppsala, 1942).

мин «графема» (записи Л. В. Щербы, л. 2); 2) учение о специфической структуре письменной речи, в зарубежной литературе обычно приписываемое Д. Болинджеру¹, значительно раньше и значительно серьезнее было разработано Бодуэном. К сожалению, если теория алфавита интенсивно разрабатывалась бодуэновской школой, то другие аспекты его теории письма оказались забытыми.

Целый ряд поднятых Бодуэном проблем приходится только называть: из их числа больше всего привлекает к себе внимание диалектографическая концепция Бодуэна; нельзя не отметить его роли в развитии сравнительно-исторического метода. Бодуэн отдал много сил и времени проблемам эсперанто и часто выступал в своих теоретических работах в защиту международного искусственного языка.

Подведем некоторые итоги сказанному выше. Общелингвистическая концепция И. А. Бодуэна де Куртене несет на себе явные следы двойственности. С одной стороны, у Бодуэна много общего с младограмматиками. Это объясняется прежде всего тем, что его взгляды, как и взгляды младограмматиков, формировались под известным влиянием идей Гумбольдта и Пштейнталя. Кроме того, Бодуэн, как и младограмматики, стремился избавиться от мертвящего догматизма школы Шлейхера, обратившись к исследованию живых современных языков и диалектов и уделяя много внимания разработке вопроса о роли индивидуального языкового мышления при функционировании языка, что также не могло не обнажить оба направления. С другой стороны, некоторые моменты приближают Бодуэна к сосюррианству, давая нам право считать его одним из предше-

ственников современной структурной лингвистики в ее пражском варианте.

Едва ли можно согласиться с Р. Якобсоном, что Бодуэн только в 70-х гг. XIX в. планировал «систематические структуральные исследования», а позже отошел от структурализма в сторону «психологизма». Напротив, как показывает анализ его высказываний, именно в 1900—1910 гг. он пришел к наиболее законченной, хотя, быть может, не всегда последовательной функциональной концепции языка: живая научная традиция идет писменно через эту «психологическую» концепцию.

«Решающее значение понятия относительности фонетических элементов для изучения их использования в конкретном языке, их зависимость от всей фонологической системы и даже проблематика фонематической оппозиции — проблеск и упоминание этих первоочередных для развития лингвистики идей мы находим в работах Бодуэна»². При этом Бодуэн всегда придерживался последовательно материалистической точки зрения, что делает его позицию еще более близкой нам. В работах Бодуэна подробно разработаны такие существенные для современного языковедения вопросы, как вопрос о системе языка, о функциональной значимости фонемы в механизме языка, о множественности причин фонетических изменений.

Идея Бодуэна де Куртене в течение почти 20 лет не находила объективной оценки и сколько-нибудь полного освещения в советской языковедческой науке. Нам кажется, что пришло время, наконец, внимательно обратиться к его научному наследию и оценить по заслугам его роль в развитии русского и мирового языкознания.

А. А. Леонтиев

¹ См. D. Bolinger, Visual morphemes, «Language», vol. 22, № 4, 1946.

² R. Jakobson, Powstanie pojęcia fonemu..., стр. 52.

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ФОНЕТИКИ

(Из курса лекций)

Публикуемый нами в извлечениях курс лекций И. А. Бодуэна де Куртене по общей фонетике, читанный им на немецком языке в Дерптском (Тартуском) университете во втором семестре 1888 г., воспроизводится по студенческой записи Р. А. Теттенборна. Оригинал последней в виде двух тетрадей (68 страниц) хранится в «бодуэновском» фонде Лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ.

Курс состоит из введения и трех глав. Введение и третья глава печатаются полностью, глава первая («Учение об альтернативах» и «Учение о корреспонденции») и глава вторая, содержащая развитие на материале индоевропейских языков тео-

рии «постепенного» человеческого языка», целиком опущены.

Наибольшую ценность из публикуемых частей курса представляет введение, где впервые дается функциональное истолкование понятия фонемы и проводится последовательное различие между фонетикой и фонологией. Интересно также, что в курсе Бодуэн понимает фонему как психо-физиологическую реальность; в печатных работах такое понимание встречается лишь начиная с 1894 г.

Купюры, сделанные нами в тексте и касающиеся главным образом примеров обозначены угловыми скобками [...] В квадратных скобках [] стоят примечания